

*доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной
литературы Горловского
государственного педагогического
института иностранных языков*

О. Луценко

*старший преподаватель кафедры
практики французского языка
Горловского государственного
педагогического института
иностранных языков*

КАК ДО ЗВЕЗДЫ НЕБЕСНОЙ? О СТИХОТВОРЕНИИ О.МАНДЕЛЬШТАМА "Я К ГУБАМ ПОДНОШУ ЭТУ ЗЕЛЕНЬ..." НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Перевод художественных текстов, и именно поэзии, изучение специфики перевода стихотворений с иностранного на родной язык – задача, требующая дополнительных специальных исследовательских усилий. Отдельную сложность вызывают попытки проанализировать переводы текстов поэтической формы, которая традиционно имеет свои ограничения. Ритм, размер, рифма и типы её чередования, строфа, рефрен, аллитерация – это те особенности формы, которые, сочетаясь, придают стихотворному тексту изысканную музыкальность, ту внутреннюю архитектурную форму, которая способствует созданию неповторимого звучания стихотворения. Именно в поэзии игра формы имеет большое значение, и именно здесь эстетическая информация воплощается в виде чрезвычайно сгущенной концентрации средств выразительности языка. Как отмечает известный учёный У. Эко, "переводить – значит понять внутреннюю систему того или иного языка и структуру данного текста на этом языке и построить такую текстуальную систему, которая *в известном смысле* может оказать на читателя аналогичное воздействие – как в плане семантическом и синтаксическом, так и в плане стилистическом, метрическом, звуко-символическом, – равно как и то эмоциональное воздействие, к которому стремился текст-источник" [9, с. 16-17]. Исследуя проблему перевода художественного поэтического текста, следует учитывать, что основным признаком литературно-художественного стиля является подчиненность всех его языковых средств цели создания художественного образа. Образность является основой художественного текста, а конкретный способ ее проявления отличает один текст от другого.

Известно, что в основе кредо переводчика должно стать правило, по меткому выражению У. Эко, "сказать то же самое на другом языке". В контексте изучения постоянно устанавливающегося диалога культур, при осуществлении каждого нового перевода литературного текста с одного языка на другой, нам представляется важным изучать, в какой степени "то же самое" явится адекватным первоисточнику и насколько верным и истинным окажется задуманное автором воздействие на читателя.

В связи с данной исследовательской установкой особенный интерес вызывает изданный в Париже в 1992 году сборник переводов стихотворений русского поэта О. Мандельштама на французский язык [10]. Осуществила этот проект группа современных французских поэтов и переводчиков. Нам представляется любопытным проанализировать данный переводческий опыт, тем более что исследований творчества О. Мандельштама

подобного рода не существует. Вспомним, что О. Мандельштам в статье "О переводах" (1929) рассуждал о качестве переводной литературы и высказывал полную неудовлетворённость известными ему предпринятыми переводами произведений мировой классики на русский язык. В частности, он писал о брюсовском переводе "Фауста": "...Беззубое, лже-научное шамканье, от которого, при всём уважении к Брюсову, до гетевской мощи, – как до звезды небесной" [6, т. 2, с. 436]. Критическое отношение писателя к переводам художественных текстов крайне актуализируется в наше время, особенно, когда речь идёт о переводах произведений самого О. Мандельштама на другие языки.

Целью нашей работы является попытка определить, насколько адекватным оригиналу мандельштамовского стихотворения "Я к губам подношу эту зелень..." является перевод этого произведения, осуществлённый Филиппом Жакоте. Руководствуясь рекомендацией Святого Иеронима (347—420) из Послания "О наилучшем способе перевода" — "non verbum e verbo sed sensum exprimere de sensu" ("передавать не слово в слово, а смысл в смысл" – лат.) [цит. по: 9, с. 16], мы, тем не менее, при исследовании соотнесённости текста оригинала и переводного текста используем следующую методику: сопоставление оригинала и перевода сквозь призму подстрочного перевода французского текста.

Для большей наглядности мы предлагаем обратиться к тексту оригинала, тексту перевода и тексту подстрочного перевода (подстрочный перевод выполнен нами – С. К., О. Л.):

О.Э. Мандельштам	<p>Я к губам подношу эту зелень – Эту клейкую клятву листов, Эту клятвopеступную землю: Мать подснежников, клёнов, дубков.</p> <p>Погляди, как я крепну и слепну, Подчиняясь смиренным корням; И не слишком ли великолепно От гремучего парка глазам?</p> <p>А квакуши, как шарики ртути, Голосами сцепляются в шар, И становятся ветками прутья И молочной выдумкой пар [6, т. 1, с. 266].</p>
Ф. Жакоте	<p>A mes lèvres je porte ces légumes, Ce gluant jugement de feuilles, Cette terre parjure, mère Des perce-neige, des érables, des chênes.</p> <p>Vois comme je deviens aveugle et fort De me soumettre aux modestes racines, Et n'est-ce pas trop de splendeur Aux yeux que ce parc fulminant?</p> <p>Les crapauds, telles des billes de mercure, Forment un globe de leurs voix nouées, Les rameaux se changent en branches Et la buée en chimère de lait [10, с. 181].</p>

<p>Подстрочный перевод стихотворения</p>	<p>К своим губам я подношу эту зелень, Этот клейкий приговор листов, Эту землю клятвоприступную, мать Подснежников, клёнов, дубов.</p> <p>Смотри, каким я становлюсь слепым и сильным, Подчиняясь простым корням, И не слишком ли много великолепия В глазах от этого бушующего парка?</p> <p>Жабы, похожие на шарики ртути, Образуют шар из своих голосов связанных, Ветви превращаются в ветки, И пар – в молочную фантазию.</p>
--	--

Анализируя перевод стихотворения "Я к губам подношу эту зелень...", необходимо учитывать, какую переводческую концепцию избирает Ф. Жакоте. В зависимости от позиции Жакоте-переводчика мы можем говорить либо о вдумчивом переводе, отражающем всю содержательную глубину мандельштамовского текста, либо как о "слепой копии", т.е. тексте "слово в слово", но только на французском языке, либо о субъективистском варианте перевода, приводящего неизбежно к созданию произведения "по мотивам" стихотворения русского поэта. Уже тот факт, что Ф. Жакоте сохранил практически все образы оригинала неизменёнными и содержащими в себе большую часть коннотаций оригинала, даёт нам возможность рассматривать данный переводческий опыт не как случаи "слепого копирования" или, допустим, создания "нового и иного" текста. Для переводчика определённым приоритетом остаётся индивидуальность авторского стиля, поэтических образов, передающих идею стихотворения. Другими словами, Ф. Жакоте стремился к "верности" оригиналу, которую У. Эко связывает с "убеждением в том, что перевод представляет собой одну из форм истолкования и, даже исходя из восприятия и культуры читателя, он всегда должен стремиться к тому, чтобы воспроизвести намерение – не скажу "автора", но *намерение текста*: то, что текст говорит или, на что он намекает, исходя из языка, на котором он выражен, и из культурного контекста, в котором он появился" [9, с. 16]. Конечно, мы помним, что при сопоставительном анализе оригинала и перевода существенными и во многом определяющими для адекватного прочтения литературного текста становятся отличия, вызванные "различиями в системе языка (на фонологическом, грамматическом и других уровнях), различиями в системе стихосложения; различиями национальных литературных и культурных традиций, порождающих трудно переводимые сцепления вторичных значений; своеобразием творческих решений переводчика, индивидуальных свойств его таланта, степени проникновения в дух и структуру оригинала" [5, с. 16]. Сложности, с которыми сталкивается переводчик, могут обусловить особенности созданного переводного текста.

Безусловно, нельзя не обратить внимание на некоторые несоответствия перевода оригинальному тексту. Так, в мандельштамовской строке "мать / подснежников, кленов, дубков" слово "дубок" ("chêneau(m)") заменяется Ф. Жакоте на слово "дуб" ("chênes"). Ощущение апрельской свежести и нежности *клейких* юных листочков на поросли *молодых* дубков дополняется в русском варианте не только звуком уменьшительного суффикса –к–, но и звучанием слова "клёнов", тогда как во французском варианте таких значений ("молодые дубки", а не "зрелые дубы"; роль звукового орнамента аллитерации –к–кл–к–) переводчик не сохраняет. Действительно, широко известно, что существуют стилистические средства, которые почти не поддаются переводу, одно из них – это звукопись. К тому же в русском тексте значение эвфонического рисунка усиливается словами "клятвоприступную

землю", не имеющими отношения к нежной тональности строфы. По наблюдениям М.Л. Гаспарова, данные строки стихотворения "о прояснённой земле, с которой вновь срастается поэт <...> Это клятва весны на верность жизни, преступаемая осенью: снова "вечное возвращение" жизни и смерти. В то же время это и любовная клятва: в эти дни собиралась выходить замуж Н. Штемпель, ближайшая воронежская знакомая Мандельштамов" [3, с. 366]. Тем не менее, возвращаясь к упоминанию О. Мандельштамом "дубков" хотелось бы отметить, что в данной поэтической строке "намерение текста" (У. Эко) не сохранено переводчиком в полном объёме.

Пример подобного несоответствия перевода и оригинала мы встречаем и следующей строфе. В словосочетании "смиранным корням" мы видим проявление интуитивно-ассоциативного опыта мастера словесного творчества. Усмиряются и покоряются корни землёю. Молодость и свежесть преодолевается вращением в землю. Именно земные соки позволяют лирическому герою заявить: "Погляди, как я крепну и слепну..." Но и "слепну" потому, что подчиняюсь, смиряюсь. Однако в переводе Ф. Жакоте "смиранные корни" превращаются в "простые корни": "...De me soumettre aux modestes racines...". Круг возможных интерпретаций не столько сужается, сколько полностью искажается.

Контрастирующей по смыслу является строка перевода "Les rameaux se changent en branches" мандельштамовской строке "И становятся ветками прутья". Если у О. Мандельштама прутья набирают силу, наливаются соком, взрослеют, зреют, превращаясь в ветки, то Ф. Жакоте говорит совсем о другой ситуации и другом образе. Возвышенное, поэтическое "les rameaux" приземляется к обыденному "branches".

Итак, мы видим, что в основе стихотворения О. Мандельштама заложены поэтические образы, которые переводчик, независимо от используемой переводческой концепции, проигнорировать не должен: "зелень", "клейкая клятва листов", "смиранные корни", "гремящий парк", "квакуши"... Почти каждая строка содержит в себе один из поэтических образов. Каждый из этих образов "прорисовывает" определенную картину, которая разворачивается перед читателем, видящим цвет, слышащим звуки и голоса. В целом, общая тональность и настроение стихотворения находятся в унисоне с тональностью оригинала. Мы помним, что при изучении переводного текста мы сталкиваемся со многими проблемами, в том числе с проблемой легитимности возможных /невозможных — допустимых / недопустимых интерпретационных вариантов текста, предлагаемых переводчиком. Конечно, "намерение текста-источника" (У. Эко) нуждается в определённых интерпретационных усилиях переводчика, предусматривающих, в первую очередь, "внедрение" в него ради выявления его скрытых смыслов. Диалогический характер интерпретации художественного произведения осложняется наслоением субъективного видения текста переводчиком. Индивидуальное сознание переводчика, в данном случае, Ф. Жакоте, во многом определяет понимание оригинала, переданное уже иноязычному читателю. Так, Ю. Боров подчёркивает, что "мы понимаем мысль автора настолько, насколько оказываемся конгениальны ему; в мысли запечатлевается духовный мир автора, однако не полностью и не только этот духовный мир, но и реальность, преломлённая в нём" [2, с. 425]. Интерпретация оригинального текста, неизменно осуществляющаяся при переводе поэтического текста, приближает нас к автору литературного произведения и в смысле понимания его Слова, и в смысле понимания его личности. Осознавая текст, переводчик и, вслед за ним, читатель "включает его в свой внутренний индивидуальный смысловой контекст, сопоставляя и сообразовывая с ним смысловые единицы, и через эти сопоставления интерпретирует текст и выявляет его смысл" [2, с. 425].

В широком смысле слова интерпретация присутствует в каждом случае общения людей; в узком — тогда, когда возникает потребность обнаружить неочевидные значения текста. Именно в этом смысле понятие "интерпретация" используется в переводоведении. К тому же, как известно, по Г.-Г. Гадамеру, нельзя не учитывать буквальное значение выражения *inter-pres*, "которое подразумевает высказанное между кем-то и кем-то, а также

необходимость переводчика-толмача <...>, который находится между говорящими на разных языках и через свою "речь-между" соединяет разделённых" [цит. по: 7, с. 79]. Вспомним, Ф.Д.Э. Шлейермахер подчёркивал, что "целостность понимания произведения художника или мыслителя достигалась не путём изучения хронологической последовательности его работ и их внешней логики, а постижением внутренней логики их единой, цельной конструкции" [4, стлб. 171]. Такая герменевтически предопределённая функция переводчика художественного текста обусловлена тем, что именно его обращение к определённому информационному коду обеспечивает все интерпретационные смыслы, возникающие при переводе художественного произведения.

Если учитывать тот факт, что "код представляет собой систему вероятностей, которая накладывается на равновероятность исходной системы, обеспечивая тем самым возможность коммуникации" [8, с. 56], то действительно очевидным становится необходимость проникновения переводчика, в данном случае – Ф. Жакоте, а затем, естественно, и читателя, в "исходную систему" знаков и дальнейшее её обогащение экстралингвистической информацией. Данные манипуляции, шаги предпринимаются переводчиком ради единственной сверхцели – адекватной передачи первоначального смысла, "оригинального ядра" (Э.Д. Хирш) произведения средствами другого языка.

Еще один момент, который может ввести в заблуждение при попытке ответить на вопрос "копия или поэзия?", – это рифма. В стихотворении О. Мандельштама везде сохраняется перекрестная рифма, а в переводе рифма отсутствует вообще. Мы знаем, что современные французские поэты одинаково успешно используют *vers traditionnel* (традиционный стих) и *vers libre* (верлибр). И если переводчик не рифмовал строки стихотворения ради сохранения смысла произведения и передачи тонкостей образной системы, рассмотренные нами выше примеры убеждают нас в том, что отступления от "намерения текста-источника" Ф. Жакоте всё же допустил.

Не оправдывая переводчика, мы всё же склонны объяснить подобное вольное обращение со стихотворением О. Мандельштама "различиями в системе языка <...>, различиями в системе стихосложения" [5, с. 16]; отличиями в синтаксисе русского и французского языков. В отличие от русской фразы, французская фраза строится на прямом порядке слов. Ф. Жакоте в своем переводе использует инверсию определения, которое встречается во французской поэзии не только при переводе. Переводчик размещает определение перед субстантивами, потому что последние, как и в оригинале, находятся под логическим ударением. Чтобы не сместить логическое ударение, переводчик использует инверсию: "клеякую клятву" – "*gluant jugement*"; "смирным корням" – "*modestes racines*".

Что же касается стилистических средств, переводчик их максимально сохранил, пытаясь не модифицировать их семантику. Поэтому в переводе четко отображены метафоры: "Эту клеякую клятву листов" – "*ce gluant jugement de feuilles*"; "...молочная выдумка" – "*chimère de lait*". При этом переводчик, остановившись на словах "*jugement*" и "*chimère*" придаёт переводу более выразительную семантику. Сравним, "клятва листов" – "приговор листов"; "молочная выдумка" – "молочная фантазия" ("несбыточная мечта"). Интересны, на наш взгляд, примеры точно переведённого сравнения: "А квакуши, как шарики ртути..." – "*Les crapauds, telles des billes de mercure...*", перечисления в форме восходящей градации: "Мать подснежников, клёнов, дубков..." – "*Mère des perce-neige, des érables, des chênes*", эпитетов: "клятвопреступная земля" – "*terre parjure*"; "гремучий парк" – "*parc fulminant*".

Итак, рассмотрев перевод стихотворения О. Мандельштама на французский язык, можно сделать вывод о том, что Ф. Жакоте удалось, прежде всего, сохранить индивидуальность авторского художественного слова. Перевод в целом, несмотря на некоторые, на наш взгляд, весьма существенные отклонения, воспроизводит стиль оригинала, передает как конкретные образы, так и заложенные автором в эти образы смыслы оригинала, и, следовательно, текст Ф. Жакоте прочитывается как оригинал, а не, как новое произведение, созданное по мотивам оригинала.

Предприняв анализ оригинального и переводного текстов произведения О. Мандельштама, мы склонны разделять точку зрения Э.Д. Хирша, выступающего против деконструкции текста, когда "создаются совершенно произвольные и самостоятельные его интерпретации" [4, стлб. 173], но безоговорочно приветствующего реконструкцию текста, при которой все созданные интерпретации должны быть соотнесены с авторским замыслом. Анализ переводов стихотворения русского поэта на французский язык убедительно иллюстрирует тезис Э.Д. Хирша, согласно которому анахроничность текстуальной интерпретации не является метафизической необходимостью, но представляет собой определённый этический выбор. В нашем случае – этический выбор переводчика. М. Хайдеггер утверждал, что "любая реконструкция прошлого никогда не бывает аутентичной, потому что невозможно исключить из неё мир, современный интерпретатору. Иными словами, наше собственное настоящее дано заранее в любой исторической интерпретации" [4, стлб. 173]. Мы видим, что главным в герменевтической интерпретации оригинального текста О. Мандельштама становится расширение осознющего опыта читателя, поэтому "понимание текста, постижение его значения – не просто чтение, но и исследование, которое, начинаясь с рационального осмысления, должно вести к осознанному восприятию" [4, стлб. 174].

Н. Бердяев в своей работе "Смысл творчества" говорит о том, что "Солнце должно быть в человеке – центре космоса, сам человек должен был бы быть солнцем мира, вокруг которого всё вращается. Логос-Солнце в самом человеке должен светить" [1, с. 73]. Идущее "изнутри, из бездонной и неизъясимой глубины" [1, с. 130] индивидуальное творчество реализуется в Логосе. Задачей же переводчика должно становится стремление уловить Логос оригинала и адекватно его передать иноязычному читателю средствами другого – родного – языка. В упомянутой статье "О переводах" О. Мандельштам призывал к созданию целой серии первоклассно переведённых книг для школьников. Рассуждая о проблемах существования и развития переводческого дела, автор, сам не единожды переводивший с французского, английского, немецкого, итальянского и грузинского языков, писал: "Серия должна быть устойчивая, должна обслужить целое поколение, громадные тиражи, переиздания. <...> Каждая книжка подстрекает к изучению языка. В каждой книжке – хотя небольшая смычка с подлинником, параллельный текст и пояснительный к нему словарь" [6, т. 2, с. 436]. Думаем, предложенный для рассмотрения в нашей статье текст перевода стихотворения О. Мандельштама "Я к губам подношу эту зелень...", осуществлённый со стремлением к "звезде небесной" Ф. Жакоте, тоже, по-своему, подталкивает и "подстрекает" французского читателя к изучению русского языка, на котором создан оригинал.

Литература:

1. Бердяев Н. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – Харьков: Фолио; Москва: ООО "Издательство АСТ", 2002. – 688 с. – (Вершины человеческой мысли).
2. Боров Ю.Б. Эстетика. – М.: Политиздат, 1988. – 496 с.
3. Гаспаров М.Л. Поэт и культура (Три поэтики Осипа Мандельштама) // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. – М.: Новое литературное обозрение, 1995. – С. 327-370.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК "Интелвак", 2003. – 1600 стб.
5. Лотман Ю., Мальц А. Стихотворение Блока "Анне Ахматовой" в переводе Деборы Вааранди (К проблеме сопоставительного анализа) // Блоковский сборник. II. – Тарту: Тартуский университет, 1972. – С. 4-24.
6. Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 4 т. – М.: TERRA, 1991.
7. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл.научн. ред. Н.Д. Тмарченко]. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.

8. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Перев. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. – СПб: Симпозиум, 2004. – 544 с.
9. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Перев с итал. А.Н. Ковалю. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 574 с.
10. Mandelstam Ossip. Poèmes. Collection bilingue traduit du russe. – Paris: Éditions Librairie du Globe, 1992. – 198 p.

Анотація

**КОЧЕТОВА С., ЛУЦЕНКО О. ЯК ДО ЗІРКИ НЕБЕСНОЇ?.. ПРО ВІРШ
О. МАНДЕЛЬШТАМА "Я К ГУБАМ ПОДНОШУ ЕТУ ЗЕЛЕНЬ..." ФРАНЦУЗЬКОЮ
МОВОЮ**

Автори статті досліджують французький переклад вірша "Я к губам подношу эту зелень..." одного з видатного представника російської літератури – О.Е. Мандельштама. Автори аналізують оригінал і переклад твору поета та приходять висновку, що деконструкція тексту при перекладі – не дозволяється. Продуктивною може бути тільки реконструкція тексту, що передбачає співвіднесеність інтерпретаційних сенсів з авторським задумом. Герменевтична інтерпретація тексту збагачується за рахунок усвідомлюючого досвіду читача.

Ключові слова: оригінал, переклад, інтерпретація, поетика.

Аннотация

**КОЧЕТОВА С., ЛУЦЕНКО О. КАК ДО ЗВЕЗДЫ НЕБЕСНОЙ?.. О СТИХОТВОРЕНИИ
О. МАНДЕЛЬШТАМА "Я К ГУБАМ ПОДНОШУ ЕТУ ЗЕЛЕНЬ..." НА
ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Авторы статьи исследуют французский перевод стихотворения "Я к губам подношу эту зелень..." одного из выдающихся представителей русской литературы – О.Э. Мандельштама. Авторы анализируют оригинальный и переводной тексты произведения поэта и приходят к выводу о том, что деконструкция текста при переводе – недопустима. Продуктивной может быть только реконструкция текста, при которой все интерпретации должны быть соотнесены с авторским замыслом, а герменевтическая интерпретация текста обогащается благодаря факту осознающего опыта читателя.

Ключевые слова: оригинал, перевод, интерпретация, поэтика.

Summary

**KOCHETOVA S., LUTSENKO O. LIKE UP TO THE STAR?.. ABOUT
O. MANDELSHTAM'S POEM "YA K GUBAM PODNOSHU ETU ZELEN'..." IN
FRENCH**

The authors of the article investigate the poem's French translation of the one of prominent representatives of Russian literature – O.E. Mandelstam. The authors analyze the original text of the poem and its translation and come to conclusion that deconstruction must be forbidden. Only the text's reconstruction can be productive. The interpretation of the text is enriched by reader's sensible experience.

Key words: original, translation, interpretation, poetics.